

Д. В. Подлесный

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В ПЕРИОД 1917–1921 гг.:
ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ**

Несмотря на постоянно декларируемый тезис о том, что высшая школа пребывает вне политики, жаркие политические баталии, которые сотрясали Украину на протяжении последнего десятилетия, уже давно перешагнули порог учебных аудиторий, что особенно ярко проявилось в период так называемой оранжевой революции. Однако современные события являются далеко не единственным примером тотального втягивания академической общественности в политическую орбиту. Из исторического опыта особо выделяется период 1917–1921 гг., когда все социальные институты, в том числе и высшая школа, попали в стремительный водоворот Революции и Гражданской войны. Именно этому периоду и посвящено данное исследование, цель которого состоит в том, чтобы проследить трансформации политических взглядов академической элиты Украины.

На протяжении 1917–1921 гг. отечественные вузы, с одной стороны, занимали активную политическую позицию, с другой – подвергались беспрецедентному давлению со стороны различных государственных образований. При этом на протяжении вышеуказанного периода политические ориентации профессуры претерпели существенную эволюцию, в которой можно выделить три этапа.

Первый этап охватывает период марта – октября 1917 г., то есть временной отрезок между Февральской и Октябрьской революциями. Анализ фактического материала позволяет утверждать, что на протяжении этого периода отечественным университетам была присуща ориентация на Временное правительство, которое воспринималось ими как единственный легитимный орган власти. Последнее можно объяснить двумя причинами. Во-первых, по состоянию на начало XX века в среде академической элиты господствовали либеральные взгляды на социальное устройство, которым полностью соответствовал декларируемый Временным правительством курс на демократизацию всех сфер общественной жизни (к тому же, многие

профессора украинских вузов занимали руководящие посты в городских и губернских отделениях партии кадетов, занимавшей влиятельные позиции во Временном правительстве и его местных учреждениях) [1, с. 279; 2]. Во-вторых, профессорско-преподавательским кругам не могла не imponировать политика Временного правительства по отношению к высшей школе, которая предполагала максимальное расширение университетской автономии [3]. Естественно, речь в данном случае идет не обо всей вузовской общественности, а лишь о ее большинстве. Так, для национально ориентированной части интеллигенции были характерны симпатии к украинским общественно-политическим институтам, и, прежде всего, Центральной Раде, что, например, проявилось во время обсуждения «украинского вопроса» Советом Харьковского университета, когда Д. И. Багaley и М. Ф. Сумцов отказались подписать резолюцию протеста относительно стремлений национальных организаций к захвату власти в регионе [1, с. 280–281].

Начало второго этапа ознаменовали октябрьские события в Петрограде. Свержение Временного правительства и установление власти большевиков вызвали волну протеста в университетских кругах. Соответствующие резолюции были вынесены советами Харьковского университета и Харьковского технологического института [1, с. 281; 4, с. 38]. Остальные вузы, в том числе Киевский и Одесский университеты, отказались вступать в сношения с советской властью, предпочтя ей национальные государственные образования – Украинскую Народную Республику, а позже – Гетманат П. Скоропадского [5; 6]. Интересно, что идеологическая платформа вышеназванных режимов во многом противоречила взглядам большинства, так называемой дореволюционной профессуры, которая, по меньшей мере, настороженно относилась к украинской национальной идее (согласно мемуарным источникам, вера в возможность становления независимой Украины не была характерна даже для ряда профессоров Киевского университета, вошедших в состав правительства П. Скоропадского) [7]. Тем не менее в глазах либерально настроенной общественности правительства УНР и Гетманата обладали одним важным качеством – они были единственными альтернативными большевикам органами власти в Украине.

Таким образом, главной отличительной чертой политической позиции вузов на этом этапе стала ее антисоветская направленность.

Справедливости ради, отметим, что в связи с тяжелыми экономическими условиями отечественные университеты вынуждены были вступить в деловые контакты с советской властью после ее второго установления в Украине в начале 1919 года. Однако радикальные и не всегда продуманные действия Совнаркома УССР по отношению к высшей школе (передача управления вузами назначаемым в административном порядке комиссарам, ликвидация ученых званий и степеней, наконец, политические репрессии) обусловили дальнейший рост антисоветских настроений, которые достигли апогея во время летнего наступления Добровольческой армии. Фактический материал свидетельствует, что установление власти Вооруженных сил Юга России вызвало в среде профессорско-преподавательской общественности небывалый политический ажиотаж, сравнимый разве что с реакцией на Февральскую революцию. В ряде вузов прошли торжественные мероприятия, которые, в частности, увенчались избранием А. И. Деникина почетным профессором Киевского и Одесского университетов. Особенно показательным в данном случае является тот факт, что ведущие вузы страны, несмотря на свое тяжелое положение, приняли ряд мер по оказанию «белому движению» материальной и пропагандистской поддержки [1, с. 289–290; 5, с. 335].

В конце 1919 г. произошло третье установление советской власти в Украине, после которого основная масса вузовской элиты начала склоняться к сотрудничеству с большевиками. Причинами этого явления авторы коллективной монографии «Харківський університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років» называют страх профессуры перед «красным» террором и ее разуверение в силе врагов советской власти [1, с. 293]. Полностью поддерживая данные выводы, считаем необходимым дополнить их еще двумя позициями. Во-первых, вследствие экономического коллапса, обусловленного Гражданской войной, отечественные вузы оказались перед угрозой прекращения существования, предотвратить которую могла лишь действующая власть, в данном случае,

Совнарком УССР. Во-вторых, в 1920 г. существенно изменилось отношение к вузовской элите со стороны советского руководства, которое осознало необходимость привлечения к учебному процессу дореволюционной профессуры. Наглядным примером этого может служить факт назначения ректором Харьковского технологического института профессора И. А. Красунского, в свое время покинувшего город с Добровольческой армией [4, с. 44].

Таким образом, на протяжении 1917–1921 гг. политические ориентации отечественной академической общественности претерпели существенные изменения, главными детерминантами которых являлись эскалация революционных процессов и связанные с этим частые смены правящей элиты. Либерально-демократическим настроениям большинства дореволюционной профессуры более или менее соответствовала лишь политика Временного правительства, после свержения которого она выбрала антибольшевистский курс и, соответственно, поддерживала национальные правительства Украины и «белое движение». Однако вследствие невозможности функционирования высшей школы без поддержки действующей власти, а также под давлением со стороны государства, отечественные вузы в 1920 г. (частично, и в 1919 г.) были вынуждены склониться к сотрудничеству с большевиками.

Эволюция политических взглядов профессорско-преподавательской общественности Украины является яркой иллюстрацией пресловутой трагедии русской интеллигенции. Ее мировоззрение, базировавшееся на либерально-демократической идеологии и гуманизме, шло вразрез с жизненной практикой периода эскалации революционных процессов и их перерастания в гражданскую войну. Тем не менее интеллектуальная элита не хотела, да и не могла оставаться в стороне от событий, имевших для страны судьбоносное значение. Вследствие этого она была вынуждена, выражаясь простым языком, выбирать меньшее зло или смиряться с неизбежностью, что обуславливало определенное нивелирование одного из основных качеств интеллигенции, которое Д. С. Лихачев формулировал как независимость мысли. Однако именно частичный отход от своих принципов позволил дореволюционной профессуре выторговать право продолжать выполнение своей главной функции – служить делу просвещения общества.

Список литературы

1. Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років / В. С. Бакіров, В. П. Духопельников, Б. В. Зайцев [та ін.]. – Х. : Фоліо, 2004. – 750 с.
2. Центральний державний архів громадських об'єднань України. – Ф. 268. Партія народної свободи. – Оп. 1. – Спр. 2. Протоколи засідань бюро Харківського міського комітету.
3. Сизова А. Ю. Российское высшее образование при Временном правительстве: замысел и начало демократической реформы / А. Ю. Сизова // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. – 2009. – № 17. – С. 70–83.
4. Харьковский политехнический университет, 1885–1985. История развития / отв. ред. Н. Ф. Киркач. – Х. : Вища шк., 1985. – 224 с.
5. Історія Київського університету. 1834–1959 / відпов. ред. О. З. Жмудський. – К. : Вид-во Київ. ун-ту, 1959. – 629 с.
6. Історія Одеського університету (1865–2000) / Л. О. Ануфрієв, С. О. Аппатов, Ю. О. Амброз [та ін.]. – Одеса : Астро-Принт, 2000. – 225 с.
7. Вернадский В. И. Дневники 1917–1921 / В. И. Вернадский. – К. : Наук. думка, 1994. – 271 с.

А. В. Сапронова

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Личность, представляя собой динамическую систему, находится в состоянии непрерывного изменения и развития. В процессе такого личностного становления постепенно все большее значение приобретают его внутренние движущие силы, позволяющие человеку все более самостоятельно определять задачи и направление собственного развития.

Необходимо определить, что подразумевается под понятием «ценностные ориентации». Н. Ф. Наумова выделяет ценностные ориентации как один из механизмов целеполагания, так как они ориентируют человека среди объектов природного и социального